

Киселёв А. А.

*УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск (Беларусь)
e-mail: kiselev_aa@list.ru*

УДК 81'272: 94 (476)

**Вопрос о белорусском языке на страницах
«Вестника Виленского православного св.-духовского
братства»**

Kiselev Alexander

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Minsk (Belarus)*

UDC 81'272: 94 (476)

**The question about belarusian language on pages of «Bulletin of the
Vilnius Orthodox Holy-Spiritual Brotherhood»**

В статье показывается, что публицисты газеты выступали против использования польского языка в изучении римско-католического катехизиса католиками-белорусами. Белорусский язык являлся главным признаком для определения белорусской идентичности. Вместе с тем газеты была против идеи замены русского литературного языка на белорусский.

Ключевые слова: белорусский язык, диалект, литературный язык, языковая политика, Российская империя.

The article shows that the newspaper's publicists opposed the use of the Polish language in the study of the Roman Catholic catechism by the Byelorussian Catholics. The Belarusian language was the main sign for the definition of Belarusian identity. At the same time, the newspaper was against the idea of replacing the Russian literary language with Belarusian.

Keywords: Belarusian language, dialect, literary language, language policy, Russian empire

В начале XX в. в дискуссию по вопросам языковой политики в белорусско-литовских губерниях крае все больше включались местные периодические издания. В их числе следует упомянуть газету «Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства», которая с 1907 г. выделилась из неофициальной части «Литовских епархиальных ведомостей» и выходила дважды в месяц. Несмотря на свое церковное происхождение газета-приложение к «Литовским

епархиальным ведомостям» имела черты общественно-политического издания. На ее страницах среди прочих вопросов поднимался и вопрос о языке преподавания, катехизации и литургии, который в условиях края приобретал политический характер.

Следует сразу отметить, что вопрос о белорусском языке не относился к числу особенно актуальных, но все же присутствовал в повестке газеты. Чаще всего языковая проблема на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» появляется при обсуждении выбора языка обучения Закону Божьему католическим населением. Эта проблема приобретала не столько церковное, сколько политическое значение. В своих рассуждениях о языке религиозного просвещения публицисты газеты воспроизводили националистический тип дискурса. Они обосновывали желательную для себя языковую политику, прибегая к филологическим, историческим и сугубо политическим аргументам. Дискуссия вокруг языка преподавания Закона Божия велась на страницах издания при обсуждении конфликта между римско-католическим духовенством и российским правительством по вопросу об определении родного языка крестьян-католиков в западных губерниях империи.

В этом отношении показательна передовая статья «О языке преподавания в народных школах С-Западного края» от 15 апреля 1912 г. Поводом для ее написания стал думский запрос депутата ксендза Мацеевича, выступившего против распоряжения инспектора народных училищ Дисненского уезда В.Г. Нечаева о преподавании детям-католикам Закона Божия на русском языке. Автор передовицы придавал языку решающее значение в сохранении этнической идентичности, утверждая, что именно язык «составляет душу народа: он выражает самобытную национальную индивидуальность» [3, с. 128]. Понимание этого обстоятельства обусловило польскую политику ассимиляции посредством римско-католической Церкви, образования и печатных изданий с политической целью «поглотить западнорусский народ». В свою очередь «предки современных белорусов» на протяжении веков стремились сохранить «свой родной язык, называя его не иначе как «русским»[3, с. 128]. Однако А. Виленец заявляет, что до сих пор «бедный западнорусский народ» лишен «права и возможности на своем родном языке молиться Богу и изучать Закон Божий»[3, с. 128]. Главной преградой для обретения этого права в издании объявляются усилия польских ксендзов-ассимиляторов, которые используя свое влияние

на паству, заставляют просить перевода обучения на польский язык и внушают тождественность польского языка, национальности и католической веры своим прихожанам. В качестве противоядия публицистом предлагалось отказаться от определения национальности на основании заявлений родителей, а руководствоваться исключительно данными этнографии и лингвистики. Имеющиеся исследования русских и, что замечательно, польских ученых позволяют, по мнению автора, беспристрастно установить белорусский характер местного населения. Только на их основании специальная комиссия «из авторитетных этнографов, лингвистов и правительственных лиц» будет обследовать на местах язык и быт населения и, «если признает их белорусскими, то такой округ законодательным путем, без всякого опроса и самоопределения, должен быть признан белорусским, стоящим вне сферы польской пропаганды» [3, с. 130]. Проектируемой комиссии предлагалось выполнять роль арбитра в отдельных спорных случаях. Подобная мера запустит процесс деполонизации римско-католической Церкви в крае. При этом предлагалось обратить особое внимание на устройство и характер преподавания в римско-католических семинариях, поскольку «важно, чтобы ксендз был одной нации и быта с своими прихожанами, и проникнут желанием постоять за их национальный интерес». Наконец, следующим шагом стало бы развитие «национального самосознания белоруссов» путем школьного и внешкольного просвещения. Вместе с тем публицисту предстояло пояснить почему при безусловном признании белорусской принадлежности жителей западных губерний образование, преподавание, в том числе Закон Божий, следовало вести на русском литературном языке. Автор передовицы привел следующие аргументы. Во-первых, он констатировал отсутствие на данный момент литературного белорусского языка. По словам публициста, белорусский язык «еще не имеет единства» и «не вполне сложившийся язык» [3, с. 131]. При этом язык публикаций «Нашей нівы» расценивался не иначе, как «жаргон». Во-вторых, по мнению автора, белорусские крестьяне исходя из прагматических соображений не примут идеи перевода преподавания на белорусский язык. Для доказательства этого тезиса А. Виленец сослался на негативный опыт издания книг на белорусском языке, предпринятый местной российской администрацией накануне польского восстания 1863–1864 гг. В частности, против идеи подобных языковых экспериментов еще в то время отрицательно высказались православные иерар-

хи из белорусских уроженцев. В-третьих, преподавание Закона Божия на белорусском повлекло бы за собой «гигантский труд для выработки единого литературного белорусского языка», что было бы совершенно неэффективной тратой ресурсов, поскольку «русский язык дети-белоруссы достаточно усвоят в первое же полугодие» [3, с. 131]. При этом напоминалось о том, что первый опыт изложения основ римско-католической веры на русском языке датируется еще 1822 г., т.е. уже имеется традиция катехизации католиков в России.

Тема языка преподавания римско-католического катехизиса вновь упоминается на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» в заметке, сообщавшей об итогах поездки делегации виленского Русского национального союза в столицу. Целью поездки называлось предоставление сведений руководителям министерств внутренних дел и народного просвещения «об ограждении белорусского населения от полонизации его польскими ксендзами при посредстве правительственной начальной школы» [1, с. 159] 18 апреля 1912 г. депутацию принял министр народного просвещения, который, согласно газетному изложению, согласился с тем, что вопрос о языке преподавания должен определять сельский учитель.

Публицисты «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» указывали на то, что на самом деле дети-католики не в состоянии понять основ веры, преподаваемых на польском. По словам автора газетной передовицы, католические священники убеждали родителей и официальные власти в том, что польский язык является для белорусского католического населения родным. Главным доводом в пользу этого тезиса считался факт того, что в своей церковной жизни белорусские дети-католики знают на память молитвы только на польском языке. В результате ксендзы на уроках Закона Божьего ведут «преподавание польского языка», что является «могущественным средством для полонизации этого населения» [5, с. 379]. Отнюдь не случайно в другом выпуске газеты от 15 августа 1913 г. была перепечатана стенограмма выступления депутата Государственной думы от Виленской губернии В. Юзьвюка «О языке преподавания в народной школе в С-Западном крае». Основной идеей выступления являлась резкая критика идеи о необходимости перевода начального образования для детей-католиков на польский язык. Ссылаясь на свое собственное белорусское про-

исхождение и опыт жизни в крае, священник и депутат утверждал, что «белорусский язык есть видоизменение русского языка, известный белорусский жаргон». По мере расширения сети образовательных учреждений в крае «жаргон белорусский должен вылиться в русский, а не в польский язык» [6, с. 291]. Апеллируя к своему опыту жизни в Ошмянском уезде, депутат говорил о том, что для католиков и православных в белорусских селах «природным языком должно считать белорусский» [6, с. 292].

Наряду с вопросом о языке катехизации, в газете отстаивалась идея сохранения в образовании русского литературного языка. В частности, в одном из номеров издания была размещена отчетная заметка о заседании общества «Крестьянин» в Вильно 3–5 августа 1908 г. В ней упоминалось, что в заседании принимали участие 92 народных учителя, которые постановили, что основным языком преподавания в начальных школах обязан оставаться «язык общегосударственный – русский» [8, с. 334]. Для католического населения преподавание основ веры должно вестись не на польском, а на «русском языке, или, в крайнем случае на белорусском его наречии» [8, с. 335]. При этом участники общества специально отметили, что белорусский – это «не самостоятельный язык, а только наречие русского языка, и решительно нет никакой надобности в развитии его и распространении» [8, с. 335]. Интересно, что общественные деятели апеллировали к тому, что само население не только считает белорусский язык малопrestiжным или «простым», но стремится к переходу на русский литературный язык и «обижается даже, когда образованный человек заговорит с ним на этом «простом языке» [8, с. 335]. Любопытно, что издатели газеты косвенно признавали право на существование белорусскоязычной прессы. Например, в краткой заметке об окончательном переходе еженедельника «Нашей нивы» на кириллицу это событие отмечалось как положительное явление [4, с. 372].

К языковому вопросу, но уже в контексте критики языковой политики «Нашей нивы», газета вернулась в 1915 г. Например, в заметке «Белоруссы и «белоруссы» пишется о том, что редакция белорусскоязычной газеты развернула в свое время в прессе кампанию накануне учительского съезда в целях пропаганды перевода обучения на белорусский язык. Не без удовлетворения церковные публицисты отметили, что среди «белорусских учителей не нашлось ни одного, который бы разделял эти претензии и решил за них рато-

вать» [7, с. 122]. Кроме того, они обратили внимание на то, что переход «Нашей нивы» на русский гражданский шрифт, обусловленный стремлением влиять на православную читательскую среду, стал политической проблемой для первой белорусскоязычной газеты. Это решение поставило «Нашу ниву» в конфликтные отношения с местным польским обществом. По мнению «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства», причиной конфликта стало то, что в замене шрифта «польские националисты усмотрели поворот в сторону восточной русской культуры и стали вести среди своих соотечественников пропаганду против «нашенивцев» [7, с. 122]. В этой же статье язык издания газеты именуется «белорусским наречием».

В другой публикации под названием «В преддверии новой исторической эры» от 15 мая 1915 г. автором передовой статьи в очередной раз отрицалась необходимость использования белорусского языка в преподавании. Отмечалось, что применение белорусского вместо польского языка при изучении Закона Божия еще могло иметь смысл, но на «высших ступенях обучения даже католиков-белорусов оно совершенно излишне» [2, с. 153]. При этом вопрос об использовании белорусского наречия для православных белорусов даже не ставился. Вновь указывалось на то, что идея языковой белорусизации не пользовалась поддержкой среди учительства. В частности, «местные педагоги никогда не мечтали о белорусском наречии в роли языка преподавания в местной народной школе, в виду явной абсурдности этой идеи» [2, с. 154].

Таким образом, на страницах «Вестника Виленского православного Свято-Духовского братства» отстаивалась идея сохранения русского литературного языка в преподавании в учебных заведениях белорусских губерний. Журналисты газеты считали, что в силу исторических причин белорусский язык на данный момент не вышел за пределы диалекта или наречия. В принципе допуская теоретическую возможность создания белорусского литературного языка, усилия в этом направлении расценивались как совершенно непрактичная задача. По мнению публицистов, при освоении русского литературного языка белорусское население не сталкивалось с проблемой языкового барьера. Жестко отрицалась идея перевода образования на белорусский, оставляя последний лишь для изложения основ римско-католической веры и молитв для детей белорусов-католиков. Вместе с тем следует отметить, что сама по себе тема

противостояния белорусского – русского языка являлась периферийной проблематикой для этого церковного общественно-политического издания. Данная тематика проявлялась преимущественно в двух контекстах: во-первых, борьбы против идеи перевода изучения основ католицизма для белорусов-католиков на польский язык; во-вторых, отрицании необходимости введения белорусского в образовательный процесс. Интересно, что в обоих случаях главной причиной был националистический дискурс, направленный в первом случае не столько против католичества, сколько против полонизации, а во втором – против продвижения идеи о существовании белорусов как отдельной национальной политической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусская депутация в Петербурге // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 9 (122). – С. 159–161.

2. В преддверии новой исторической эры // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1915. – № 10 (196). – С. 152–155.

3. Виленец, А. О языке преподавания в народных школах С-Западного края / А. Виленец // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 8 (122). – С. 128–132.

4. Из Белорусской жизни // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 21 (135). – С. 372.

5. Консультант Об языке преподавании Закона Божия белорусам-католикам / Консультант // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 21 (159). – С. 379–381.

6. О языке преподавания в народной школе в С-Западном крае // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 15–16 (153–154). – С. 291–293.

7. Православный белорус Белорусы и «белорусы» // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1915. – № 8 (194). – С. 121–123.

8. Съезд О-ва крестьянин // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 15–16. – С. 334–335